

Марина Бирюкова

Тягучая антиутопия

ФАМАБРИКА

Марина Бирюкова

Фабрика. Гламурная антиутопия

«Издательские решения»

Бирюкова М. В.

Фабрика. Гламурная антиутопия / М. В. Бирюкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853965-7

Время и место действия: Петербург, 2910. Решены основные проблемы человечества: нет голода и смерти, можно бесконечно продлить жизнь клонированием. Но имеют на это право те, кто обладает известностью и харизмой в гламурном мире будущего. Главный герой — Лотар участвует в реалити-шоу, главным призом в котором является бессмертие. В течение ночи соперники должны прийти к цели, дорогу к которой указывают ключи, зашифрованные в символике бывшего Петербурга, где даже Эрмитаж находится в руинах.

ISBN 978-5-44-853965-7

© Бирюкова М. В.
© Издательские решения

Фабрика Гламурная антиутопия

Марина Валерьевна Бирюкова

*...Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.*

А. Блок

*Vita incerta, mors certissima
Жизнь неопределенна, но смерть достоверна*

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Марина Валерьевна Бирюкова, 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3965-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я вышел на площадку, спустился по винтовой лестнице. Сквозняк ворошил клочки бумаги на полу, конфетти, недавно разбросанные торжествующей публикой. В тишине громко хрустело стекло под ногами. В неярком свете солнца, проникавшего сквозь щели в забитых фанерой окнах, кружились пылинки. В осколке стеклянной банки ещё дымился не до конца затушенный кем-то окурок. Бескровные тушки уродов, скопившиеся по углам старой Кунсткамеры, тихо смердели. Ни души, никого. Быстро они смотались. Вышел на набережную. Опять никого. Ни одной телекамеры. Свежий ветер с Невы приятно охлаждал щёки. В воздухе пахло весной, хотя до конца зимы оставался месяц. Это запах тлена из камеры уродов, всё ещё преследующий меня, смешивался с влажным невским ветром – ощущение пробуждающейся земли весной, когда под тающим снегом открываются мёртвые тушки животных... Запах, знакомый с детства. Ощущение весны, начала, новой жизни. И смерть, тушки отживших своё. Возле Дворцового моста я обернулся, чтобы бросить взгляд на огромный экран, частично закрывающий вид на павильоны Фабрики. Как раз сейчас, в девять утра здесь должны были транслировать мою триумфальную церемонию с участием Карла, Антония, Весты и самого Лео. Но экран был абсолютно черен, за исключением надписи, набранной мелким белым шрифтом: «Ляпсус техника». Ляпсус техника! Но ведь они никогда... И тут я вспомнил, как все началось.

Меня зовут Лотар. Мне тридцать шесть лет, а на дворе сейчас 2910 AD. Это год моей смерти. Почему так вышло, я расскажу чуть позже. А случилось всё в течение одного дня – когда меня пригласили для участия в телевизионном шоу «Ляпсус мемориэ». Ещё неделю назад, когда мне позвонили служащие Фабрики, я думал, что мне невероятно повезло. Было воскресенье, настоящий диес солис, золотой как летний закат, отовсюду доносились счастливые крики, и ходили слухи, что на площади, на руинах Зимнего дворца, можно будет лицезреть самого блистательного Лукреция, пережившего девять воплощений, ин карне. И они всё-таки вспомнили обо мне. Ведь мне осталось всего девять месяцев, чтобы безропотно отойти в небытие, когда закончится моя виа долороза вместе с действием последней Инъекции, и я покину этот мир, удивительный и беспощадный, не оставив после себя преемника. «С меня при цифре

тридцать семь в момент слетает хмель». Не помню, кто это сказал, вроде бы какой-то скриптор или кантор прошлого, проклятого миллениума, тех времён, когда даже богоподобные питались мертвечиной, а в продовольственных лавках лежали замороженные трупы парнокопытных, водоплавающих и крылатых бестий, а также вырытые из праха склизкие корневища растений и одуряюще ароматные плоды с их ветвей. Жрали и зародыши животных с привкусом живой крови, и экскременты бактерий, и моллюсков, и змей, и траву... Хавали, или жрали, или трескали, я уже не помню, как это точно называлось. Это всё стало неважным, с тех пор как изобрели Инъекцию. Сейчас уже и не представишь, как можно было по доброй воле класть себе в рот эту мерзость, а затем, подавляя тошноту, с беспокойством прислушиваться, как эта дрянь живет своей жизнью у тебя в желудке. Но, видимо, и тогда избранные понимали, в чём смысл цифры тридцать семь. Жаль, что не осталось свидетельств, каким образом они расправлялись с собой в этом случае, мне это было бы любопытно. Закон, который был принят ещё в первой трети нашего Золотого миллениума, обрэк на уничтожение все письменные и прочие источники, где в каком-либо виде упоминалась жратва. А так как упоминалась она в прошлом почти везде, то почти всё и было уничтожено. Непонятно, что они делали, когда достигали рокового возраста, с наступлением которого каждый из нас перестаёт получать Инъекцию. Может быть, переставали жрать, или демонстративно нарушали закон, или занимались сексом без Таблетки, а затем, с этими их болезнями, не было ничего проще... Ещё я слышал о такой вещи как дуэль, будто бы один поэт, в день своего тридцатисемилетия. Или случались такие большие, народные праздники во время эпидемий, например, чумы, когда достигшие зрелого возраста мужчины по обычаю целовались с больными девами, получая смертельную.

В общем, я страшно обрадовался, когда пискнула вещь, которую я старомодно называю телефоном. Это действительно были они, с Фабрики, летописцы публичных грёз и индикаторы славы. Каждый, кто работает там, сам имеет не менее трёх воплощений. Они дали мне ещё один шанс, последний. Видимо вспомнили, что все-таки и я один из избранных, не какой-нибудь йоб, из плебеев, чьи предки в своё время отказались от Инъекции. Вот мерзость. Ну ладно, надо сосредоточиться и наконец посмотреть правде, а не отворачиваться от неотвратимой, запрятав подальше свой индикатор харизмы. А правда, самая что ни на есть, вот в чём: через девять месяцев, когда мне стукнет тридцать семь, я погибну окончательно и бесповоротно, так как не буду иметь права оставить после себя полноценного клона, как большинство более. Моих, сик дикта. В нашем городе уровень фамы, который даёт право на создание клона, достигает шестисот харизматиков. Один из самых высоких на Земле – в нашем Питбурге. Когда-то город назывался Петербургом, позднее – Питером, затем толпы иммигрантов переименовали его в Сент-Пит, и когда пришла мысль вернуться к старому названию, оно стало сокращённым, название нашего Питбурга, моего родного города.

Они сказали:

– Лотар!

Я сказал:

– Весь ваш.

Кто-то сказал:

– Не знаю вас.

Другой повторил издали:

– Несцио вос.

Но я уже был полон надежд.

– Вы в депрессии? – спросили они равнодушно.

– Нет, ин оптима форма, супер-пупер.

– Хорошо. Мы прочли ваше си-ви, десятое по счёту. Мизерабиле дикту, истеричные нотки, надрыв, самобичевание, много непристойностей. И ещё. Почему вы не пользуетесь мини-скриблером? Ваши послания галлина скрипсит.

– Какая Галина?

– Курица написала. Учите латынь, мать вашу (обсцено!).

С латынью у меня, в самом деле, полный мрак. Совсем недавно она стала государственным языком.

– Меа кульпа, – пробормотал я.

– Несцио вос, – опять повторил тот голос из глубины. Сердце у меня замерло. Но другой с отвращением сказал:

– Приглашаем вас на кастинг.

В восторге я записал: «15.30, диес солес, явиться ин персона, ворота девятые „Инферно“, Фабрика, к Антонию великолепному».

Сам Антоний великолепный! С ликом, намозоленным славой, не сходящий с экранов, третий, а то и четвёртый клон!

Он говорил ещё что-то на латыни, но я понял только, что второй попытки не. Но я был уверен, что выдержу. О фаллацем хоминум спем!

– О, обманчивая людская надежда! – со смехом воскликнула моя подруга Феба.

Бездушная, ненасытная волчица с нежно-розовым язычком и шелковистыми. В свои восемнадцать она ведёт себя так, будто собирается жить вечно. Будто и не понимает, что мне скоро...

– Ваде ретро, Сатанас! Мне надо готовиться к кастингу!

– Подумаешь, – надула она свои, – не забывай, что именно мне ты обязан десятью баллами на твоём индикаторе харизмы.

Она права. Без неё там был бы полный ноль. Ниль де нихило фит, из ничего, как говорится, ничто и... Но мне-то нужно шестьсот харизматиков! Это значит, что на протяжении нескольких месяцев на меня или на моё изображение на экране с интересом, ненавистью и обожанием должны смотреть тысячи зрителей. Харизматики – это свобода, то, что раньше называли богатством, или деньгами, или баблом. На них уже не купишь жратвы (а кому она нужна?), но можно менять их на то, что ещё имеет ценность в нашем мире: изысканные бренды одежды и косметики, возможность путешествовать, антураж для собственной репрезентации или перформанса. В конечном счете, опять для фамы. Фама порождает фаму, но она – непредсказуемая вещь, и все знают, как трудно добиться её, особенно если. Да, если все вокруг озабочены исключительно ею. А закон суров, и, действительно, кому будет нужен твой клон, если и так ни у кого нет желания любоваться тобой ин персона. Фабрика – колоссальный шанс. Даже если я сам не стану знаменитым, есть возможность появиться рядом с великолепным Антонием, Юлием блестящим, Карлом умопомрачительным, Сиреной, захватывающей дух, и другими, даже подержаться за край их одежд, прошептать пару слов на чистой латыни, чтобы тебя не перебивали резкие окрики «Обсцено! Obsceno!»

– Посмотри на экран! – испуганно воскликнула Феба, – посмотри, какое безобразие!

Глотая пенку для бритья, я неохотно перевёл взгляд на ближайший экран – на потолке ванной комнаты. Эффектно освещённые разноцветными кислотными прожекторами, пугающе торчали руины ещё несколько мгновений назад целого аэровокзала. Из развалин серверы выносили обезображенные взрывом тела. Как всегда в таких репортажах, кроваво сверкнули два омерзительных крупных плана – мужчина с багряным месивом вместо нижней челюсти и оторванная женская нога, на которой оператор с тошнотворным любопытством задержался на несколько мучительных секунд, прежде чем перевести камеру на её бывшую, находящуюся в шоке обладательницу. Внизу экрана бежали рубиновые буквы, истерично складывающиеся в знакомые гадкие слова: «теракт», «самый крупный за...», «обсцено», «злая рука», «малюм нецессариум»...

– Да уж, «неизбежное зло»! – со слезами в голосе крикнула Феба, – Ты только послушай, он уже признался, чьих это рук дело.

Камера плавно переместилась к комментатору событий. Это был Карл умопомрачительный в своём знаменитом багряном плаще и носатой лимонно-жёлтой итальянской карнавальной маске прошлого миллениума. Как водится у небожителей Фабрики, Карл имел свой атрибут – усыпанную драгоценными камнями церковную кадилъницу, заряженную слезоточивым газом. С поражающим воображение равнодушием и нечеловеческим изяществом Карл умопомрачительный ещё раз заявил, что ужасное злодеяние совершено им самим: мощная бомба, обратившая в руины монументальное здание вокзала, унёсшая жизни, по предварительным подсчётам, ста двадцати и превратившая в калек около пятисот человек, сдетонировала десять минут назад по сигналу, хладнокровно данному им из салона своего эфиромобиля цвета нежно-розового перламутра. Фама, фама! Небольшие огненные цифры, мерцающие поверх бегущей строки, возвещающей о теракте, показывали рейтинг Карла умопомрачительного, растуший с бешеной скоростью после этого варварского акта. Глядя, как блистательно улыбавшегося и посылавшего в сторону камер воздушные поцелуи Карла уводит полиция, я с горечью подумал о том, что ему ничего не грозит. Как и ещё нескольким небожителям Фабрики, Карлу умопомрачительному была дарована возможность завести клона ещё при жизни, а клон, как известно, не отвечает за злодеяния своего донора. Сейчас, после того как казнь безмятежно улыбающегося Карла несколько раз покажут в прайм-тайм по всем каналам, его точный клон, обладающий всеми качествами, памятью и чувствами прототипа, ну, разве на десяток лет моложе, в оптимальном возрасте, без проблем займёт его место в управлении Фабрики. А там – следующие теракты, убийства, загубленные судьбы и жизни... В какое страшное время мы живём. Не помню, кому первому пришла в голову эта чудовищная мысль – использовать массовые бедствия для поднятия своего рейтинга. Сейчас, когда на планете давно стало нечего делить и каждый, если он не йоб, может забыть о хлебе насущном (обсцено!) и на весь год насытиться Инъекцией, никому не пришлось бы в голову взрывать людей, если бы не всепоглощающее стремление к фаме. Ну что ж, он добился своего. Не зря он занимает место главного комментатора Фабрики уже сто пятьдесят лет, поменяв одиннадцать клонов. И всегда блистательный, без малейшего смущения или признаков дегенеративного самокопания на лице. Почему-то мне кажется, что я на такое не способен. Может быть, поэтому уровень моей харизмы и стремится к нулю.

Ну вот, впереди сияющие тысячами огней чертоги Фабрики. Сейчас перейду мост, главное – не смотреть на руины Зимнего по правую сторону. Чёртова сентиментальность – она и только она виновата в том, что я стал отшельником. Эрмитаж разрушили ещё шесть веков назад. На фоне живописных руин торчит только нелепая колонна с фигурой крылатого. Говорят, в Питбурге были и ещё музеи, о них почти не осталось воспоминаний. Был какой-то Русский, где, кажется, хранились заспиртованные маленькие уроды в банках, расписные сосуды для жратвы (обсцено!), замурованная в собственную бронзовую статую правительница с маленьким йобом негритянской расы и подобный крэп. Потом, в конце двадцать первого века всё повыбрасывали и сожгли, чтобы переименовать Русский в музей Малевича (кажется, это был предводитель восстания йобов ещё в предыдущем, проклятом миллениуме; он оставил массу омерзительных манифестов). Что там было выставлено тогда, остаётся тайной. В то время большинство уже осознало, что старая, закатная культура эпохи жратвы оказалась абсолютно несостоятельной. Старое, харчевое искусство, призванное приукрашивать отвратительный быт того времени, зашло в формальный тупик. Оно уже не обладало подлинной метафизикой. Ходили слухи о начале нового искусства в виде какого-то черного квадрата, олицетворяющего Ничто. Перед ним горел вечный огонь, и люди падали ниц в квазирелигиозном трансе и приносили в жертву уже становящиеся редкостью произведения старого искус-

ства. Затем и этот небольшой жертвенник сравнивали с землёй. Рассказывали, что раньше почти в каждом из музеев были высушенные чучела людей, животных, а также непристойные изображения еды. Сейчас я должен был бы крикнуть «обсцено!», но я один здесь, никто не слышит. Да, Эрмитажу повезло больше. В то время, как об остальных музеях не осталось упоминаний, Эрмитаж угораздило чудом сохраниться в сознании одного йоба, замороженный в прошлом мозг которого впоследствии использовали про боно публико. Йоб служил в Эрмитаже экскурсоводом в смутное время конца прошлого миллениума. В его неразвитом мозгу запечатлелась довольно ясно двухчасовая обзорная экскурсия по музею. При всем несовершенстве лексики и множестве обсценных оборотов, экскурсия отличалась некой примитивной системой. Например, йоб всегда объяснял публике переход из зала в зал, обращал внимание на тот или иной артефакт и был способен подолгу рассказывать о нем и даже объяснять, почему именно этот объект является «шедевром» (что, конечно, само по себе бессмысленно) или представляет интерес для обозрения по причине своей редкости, количества потраченных на него драгоценных материалов или знаменитого авторского имени. Картинка музея, пусть не визуальная, а словесная, складывалась довольно четкая, и я почти научился вслепую фланировать по огромному лабиринту Эрмитажа, узнавая никогда не виденные мною предметы искусства, подобно незрячему монарху, передвигающемуся по чертогу и ощупывающему свои сокровища. Я тогда работал в лаборатории, где велись опыты, доказывающие несомненное наличие антихаризмы у йобов и делались попытки измерения этой. В отрицательном смысле, сик дикта. Так вот, когда я заглянул в ужасающие бездны Эрмитажа, представление о котором глубоко укоренилось у йоба в самом, я был пленён. Абиссос абиссум инвокат. Ну да, бездна бездну призывает. Соблазн был слишком. Я перенёс этот Эрмитаж на современные носители и стал его бессменным единственным хранителем. Я бросил работу, чтобы ухаживать и поддерживать в пристойном состоянии виртуальный Эрмитаж. Вначале у меня даже были посетители виртуального музея, с любопытством и испугом слушающие описания давно утраченных картин и скульптур, и я приобрёл некоторую популярность как невероятно старомодный очаровательный чудак. Но всё было разрушено, когда открылось, что первоначальная матрица принадлежит йобу. От меня отвернулись как от, и за последние два года в Эрмитаже побывал только один посетитель. Кроме меня. Это был человек сверху. Он сделал мне заманчивое предложение – три четверти людской фамы, гратис, а взамен я должен был всего лишь нажать одну кнопку, и всё – Эрмитаж бы исчез без следа. До сих пор не пойму, почему я не. Три четверти фамы – это как минимум шесть каналов с показом в прайм-тайм.

О нет, только не это. О, адверса фортуна, о, злой рок! Из-под серо-голубых обломков Зимнего, на которые я старался не смотреть, выползло оно. Да уж, самое подходящее место для него – абоминацио дезоляционис. Еде, биби, люде! Жри, пей, веселись и сдохни! Только этого мне не хватало – почти у цели, у входа в санкта санкторум, когда так важно сохранить безмятежное, полное достоинства лицо. Эта пакость одним своим видом может лишить меня остатков харизмы! Грязный йоб, примерно моего возраста, но в ужасных лохмотьях и с желтовато-серым, землистым лицом, выбрался из полузасыпанного обломками и мусором входа в эрмитажный подвал, держа в вытянутой руке керамический горшок и протягивая его к солнцу, неяркому и холодному, как всегда у нас в Питбурге в это время года. Из горшка торчало что-то маленькое, светло-зелёное, с небольшой красной выпуклостью на верхушке. Я вздрогнул и отвернулся, инстинктивно почувствовав непристойное. Йоб, нелепо мигающий слезящимися после тёмного подвала глазами, только сейчас заметил меня и пугливо прикрыл горшок грязной, худой ладонью. Это еле заметное движение почему-то растрогало меня, и, ужаснувшись своей глупости, я испуганно крикнул:

– Несцио вос!

– Не знаешь, конечно, не знаешь меня, – произнёс йоб неожиданно приятным, мягким голосом.

Я понял, что он каким-то образом распознал моё смущение. Я всегда был убеждён, что йобы – это всё равно что животные, безмозглые, равнодушные скоты, озабоченные лишь жратвой, ну да... Как и все, я ужасаюсь мысли, что можно добровольно променять на жратву и грязное, плотское продолжение рода богоподобное состояние избранности с его свободой от «естественных», как говорили в древности, отпавлений. Какие мучения переживали учёные, художники, философы проклятых веков, будучи не способными нормально заниматься своим трудом из-за этих низменных и мелочных. Помнится, один безумный голландец обменивал свои картины на сэндвичи (видимо, какое-то жуткое съестное месиво, наполовину состоящее из речного песка). Трудно, конечно, судить о ценности его не дошедших да нас работ, но представляю, что ожидало бы в то время современных создателей нашего эфемерного, нематериального искусства, существующего лишь в виде формул тонкой материи. Что они могли бы обменять на бутерброд? Сейчас же только уровень фамы может в какой-то степени поколебать душевное равновесие. Мы все защищены от мерзостей жизни. Все, кроме йобов. Их и за людей-то считать нельзя. Но сейчас (как нелепо!) мне показалось, что йоб понимает меня. Он сделал в мою сторону несколько шагов и перестал прикрывать рукой то, что торчало из керамического горшка.

– Квид эст? – против воли спросил я, указывая на зелёный побег со взбухшим концом.

– Помус, – прошептал йоб и болезненно улыбнулся.

Морщины улыбки избороздили нижнюю часть его лица белыми как паутинки тончайшими линиями. Его кожа под этим серым, закопчённым налётом должна была быть абсолютно белой.

Вот оно что, сообразил я. Йоб совершал недозволенное – в этом маленьком горшке он культивировал растение, чтобы затем съесть его плод! Культивация растений строго запрещена, йобы могут питаться только тем, что растёт стихийно, под ногами, или получать в специальном пункте концентрат, который производят из энергетических отходов, почти неотличимый от экскрементов по виду и вкусу. Сейчас я должен вызвать карательную команду, ин плено, или, по крайней мере, поступить как всякий уважающий себя избранный – схватить проклятый горшок, расколотить его о замшелые обломки Эрмитажа, а невыразимое содержимое растоптать и сравнять с землёй, чтоб не осталось и следа. Йоб вопросительно глядел на меня, продолжая тупо улыбаться.

– Это нельзя! – сказал я, – Надо выбросить. Дура лекс, сед лекс! Закон суров, но...

Со странной смесью отвращения и жалости я протянул руку к горшку. Йоб не пытался его убраться, но безобразная улыбка перестала растягивать его лицо. Я схватил горшок непослушной рукой, и вдруг из тёмной дыры эрмитажной пещеры показалось маленькое существо – крошечный йоб, вроде карлика, совершенно голый, с большим вздувшимся животом, на тонких как спички ножках. Давно уже я не видел ин карне такого низкорослого человеческого существа. К сожалению, гуляя по залам виртуального музея, я пропустил то скандальное интервью, где Светоний многоликий, который баллотировался на должность префекта Питбурга, окружил себя десятком маленьких грязных йобов. По слухам, он нашёл какой-то чудом сохранившийся первоисточник времён первого приближения к постижению могущества фамы со странным названием «Основы пиара» (Санкт-Петербург, 2005!), и там определённо доказывалось, что если ты стремишься к славе политика и вообще человека известного, то окружение себя детьми на публике и перед телекамерами способно затронуть в душе зрителей такие струны, которые позволяют тебе манипулировать ими и завоевать их неограниченное доверие. Как бы там ни было, но появление маленьких йобов действительно вызвало что-то вроде истерики у большей части телеаудитории женского пола, и Феба, которая в отличие от меня видела программу, позже призналась мне, что ощутила во чреве омерзительные, захватывающие дух

спазмы и потом весь вечер пролежала на ложе, дрожа мелкой дрожью и стискивая зубы в невыразимой плотской истоме. Рейтинг Светония моментально возрос до небывалого коэффициента, обогнав даже данные главы Фабрики Лео несравненного, но затем комиссия цензоров признала результаты рейтинга недействительными, а популистский трюк, придуманный Светонием – запрещённым. И в самом деле, некорректно показывать продукты живородящей плоти в то время, как среди избранных уже несколько десятилетий запрещено деторождение, и продолжение рода осуществляется клонированием. Немедленно выступивший с публичным осуждением Светония один из его бывших ярых сторонников Карл умопомрачительный заявил, что никогда не позволил бы себе показаться перед зрителями с существами, рождёнными в результате перверсии, да и вообще, просто рядом с йобами. Это затрагивает сами метафизические основы нашей. И лучше взорвать тысячи, чем позволить миллионам вновь скатиться к животному существованию. Дикси. Несчастный Светоний моментально рухнул де цело ин ценум, из князи, сик дикта, в невыразимое. Произведённый им на остатках былой фамы клон покончил самоубийством через три года после злосчастной передачи.

Не в силах преодолеть нездорового любопытства, я уставился на маленькое существо, не замечая тяжести отобранного горшка с растением. Большие тёмные глаза маленького йоба сверкали, но их сияние не было отрадным – ничего общего с восхитительным блеском глаз купающегося в фаме Карла или Антония великолепного. Это сияние не вызывало восторга, напротив, оно отозвалось во мне непонятной болью, столь же мучительной, как предчувствие своего собственного скорого конца. Это был не блеск избранности, это был... голодный блеск! О фортуна, из каких тайников сознания порой вылезают подобные непристойности. «Агнус, – вертелось у меня в голове. – Агнус Деи. Ребёнок. *Слезинка ребёнка...*»

Под немигающими взглядами отца и сына я поднял ставший невыносимо тяжёлым горшок, чтобы разбить его об стену и вдруг, контра рационом, моя свободная рука потянулась к розоватому побегу на макушке растения и оторвала его от стебля. Ощущение было подобным разрыванию живой плоти, тёплый красноватый сок потёк между пальцами. Я безвольно выпустил глиняный горшок, расколовшийся на каменных плитах и, сжимая двумя пальцами сморщенный, покрытый слизистым соком плод, засунул его в рот маленького йоба. Пока я ожесточённо топтал черепки горшка, превращая его содержимое в прах, оба существа не проронили ни слова. Когда я шёл через мост, меня не покидало воспоминание о сухих губах йобаребёнка, его горячем языке, прикоснувшемся к моим пальцам, и о том, как он судорожно сглотнул растительный сок и на мгновение прикрыл свои сияющие от голода глаза.

После неуместной встречи уровень моей харизмы упал ещё на пять пунктов. Встретившиеся мне на мосту двое статистов Фабрики, с плохо стёртым ядовитым гримом на лицах, отвернулись от меня и уставились на воду, будто я сам был йобом. Сзади, со стороны Дворцовой, донёсся радостный вой и оглушительные залпы золотого огня. Я обернулся. Один из золотых шаров разорвался прямо над головой крылатого монстра, держащего в руках символ страданий и смерти. Я вспомнил, что именно сейчас на руинах Зимнего проходит грандиозная саморепрезентация Лукреция блистательного. На этих развалинах уже давно не появлялся никто из избранных. Живая прелесть и блеск Лукреция и томительная безысходность мёртвой культуры должны были составить чудный контраст. Полное вожделения и восторга внимание толпы к мельчайшему жесту сиюминутного баловня славы и холодное забвение, мрачное равнодушие – этим камням. Когда-то эти развалины сами были предметом восхищения, но сейчас, наверное, об этом знаю только я один. Неужели меня позвали на Фабрику лишь по случайному совпадению, – Лукреций выступает на обломках музея, виртуальным хранителем которого я являюсь, вот и вспомнили. Но размышлять некогда – я у ворот Фабрики. Это вторая по величине фабрика фамы в мире. Больше неё только Траумфабрик в предместье Виндобоны – бывшей Вены. Павильоны Фабрики поглотили большую часть острова, вклю-

чая внутреннее пространство древней крепости, первой постройки нашего Питбурга. По смутной легенде, крепость была задумана основателем Питбурга Питом Первым как тюрьма для его сына. Пит был лютым чадоненавистником, что, в общем, достойно всяческого уважения. Только представить, что ты по всем правилам и со спокойной душой производишь на свет своего клона, а тот вдруг оказывается совершенно не похож на тебя – другая форма ногтей, оттенок кожи, волосы более густые или редкие, другое выражение глаз, манера говорить совершенно не твоя. Ясно, что и поступки такого клона будут непредсказуемыми, и кроме ненависти такое неполноценное создание не сможет ничего вызвать и подлежит уничтожению, как любой брак. Так я понимаю проблему «отцов и детей» прошлого миллениума, о которой до нас дошли. Суть этой проблемы, без сомнения, в неспособности учёных прошлого обеспечить создание абсолютно точных, безупречных клонов, каких мы имеем теперь. Пит же великий предпочёл неудачному клонированию своё воплощение в металле, что блистательно и удалось – как каждый может судить, глядя на вросшее в землю конное изваяние, ранее возвышавшееся на камне. Портит впечатление, сик дикта, только неуместное изображение извивающегося земноводного гада, которого монументальный конь стремится затоптать копытами по повелению правителя, данному, очевидно, чтобы впоследствии съест бестию. Обсцено, да, но в те времена и избранные находились в унижительной зависимости от ежедневных приёмов пищи.

Над девятью воротами Фабрики, за которыми находится самый обширный павильон, благодаря невероятным световым эффектам прозванный «Инферно», на золотой пластине выбит год основания чертога грёз – 2225 AD. Кроме меня, за воротами павильона во внутреннем дворе собралось около пятидесяти человек обоёго пола, тоже пришедших на кастинг. Большинство из них от волнения курили по две и по три сигареты разом – эта безобидная привычка издавна укоренилась в Питбурге ещё с тех времён, когда существовала альтернатива занять рот жратвой. Я с облегчением увидел, что среди них было лишь несколько клонов, которых всегда можно отличить по уравновешенному, безмятежному взгляду. Конкурировать с ними трудно. Остальные же были людьми, успевшими родиться от матери и отца в последние годы перед запретом на деторождение для избранных. Несчастное, «потерянное» поколение, последнее поколение не-клонов, к которому принадлежал и я. Я не заметил ни одного хоть сколько-нибудь известного лица. С самого начала мы были обречены на неуспех нашими матерями, решившимися произвести нас на свет в то время, когда зачатие, беременность и роды ещё не стали запрещенными, но уже давно считались немодными, вульгарными и плебейскими. Я не знаю своего отца и почти не помню свою мать, у которой я родился в тридцать три года. Впрочем, по отношению к ней я чувствую что-то вроде сожаления – она вынашивала меня в то время, когда ей самой надо было бы озаботиться уровнем фамы для создания полноценного клона. Она не сделала этого и через четыре года должна была умереть. Мне сейчас тридцать шесть. Дурная наследственность, скажете вы?

Даже если бы я согласился нажать кнопку и разрушить виртуальный Эрмитаж, в моем сознании он продолжал бы сохраняться, по крайней мере, ещё год, пока я не... Так что Эрмитаж всегда со мной. Вот и сейчас, когда я ожидаю своей участи у служебных дверей Фабрики, внутренний голос (к сожалению, напоминающий голос йоба) продолжает медленно вести меня по залам Эрмитажа:

...меня зовут Иван, я сотрудник музея и сейчас проведу для вас обзорную экскурсию. Вы не увидите всё, но увидите главное... Эрмитаж – это крупнейший музей мира, в котором хранятся более 2 900 000 экспонатов, распределенных по шести а...а...отделам. Богатейшие коллекции живописи, скульптуры, прикладного искусства, оружия, мебели... и всё это находится в уникальном комплексе зданий, построенных в 18 – 19 веках выдающимися а... а... архитекторами. Пожалуйста, потише! Не надо толкаться! Мы находимся на Главной лестнице

Зимнего дворца, старейшего сооружения комплекса. Осторожнее, мадам! Вам плохо? Закружилась голова? Это обычный эффект, производимый великолепием этой барочной лестницы. Обратите внимание, как после первого затемненного марша вы попадаете в залитое светом огромное пространство, которое как бы ещё более зрительно расширяется за счет ложных окон, застекленных зеркалами... Непонятно, что значит «ложных»? Это а... имитация. Барокко... разнообразие красок и форм... плафон работы итальянского художника а...а... Гаспаро. Нет, это не чистое золото, это золоченая лепнина... Подделка? Нет-нет, имитация! Поднявшись по одному из беломраморных маршей и миновав верхнюю площадку с рядом монументальных колонн из сердобольского гранита, мы окажемся в...

Служебные двери Фабрики резко распахнулись, и во двор выехала двухэтажная колесница, с которой на нас уставились бесцеремонные глазищи роботов-телекамер. Одновременно с этим над павильоном показался бирюзовый аэромобиль, также нагруженный телеоборудованием и снимающий нас с высоты птичьего полёта. С колесницы элегантно спрыгнула помощница Антония великолепного – Веста пленительная. Сегодня её до черноты загорелое лицо наполовину скрывали очки с оправой из меха золотистой норки, губы были слегка тронуты золотой помадой. Прореженные по последней моде ярко-оранжевые волосы изысканно трепетали во влажном питбургском воздухе. Поверх мехового корсета из той же золотистой норки на ней было надето платье глубокого фиолетового цвета дичайшей эпохи итальянского Ренессанса – имитация, конечно. Платье было намеренно не по размеру Весте, и его широкое декольте сползло ей чуть ли не до запястий. Его широкий подол она изящно задираала руками, украшенными перстнями из меха и меняющих цвет ноздреватых марсианских камней, обнажая прекрасной формы ноги, покрытые золотистыми волосами в тон норке и обутые в немислимой длины остроконечные туфли-клювы из прочной пористой кожуры трансгенного апельсина, скрещенного со свиньёй. Туфли из апельсиновой кожи также были оторочены золотым мехом. На длинной золотой цепочке висел атрибут Весты – кусок прозрачного янтаря размером с кулак, внутри которого был вплавлен человеческий глаз. Двигаясь и жестикулируя неестественно быстро, Веста бросилась к нашей толпе и с механической чёткостью заняла наиболее эффектную по отношению к камерам позицию.

– Бона диес! – не глядя на нас, произнесла она своим запредельно высоким голосом. – Мы приветствуем претендентов на участие в новом сногшибательном шоу Антония великолепного с интригующим названием «Ляпсус мемориэ». Сейчас их пятьдесят два, после кастинга их останется только трое. Это будут самые лучшие из тех, кому ещё дан шанс остаться в категории избранных и продолжить своё бытие клонированием. Кого из них вы хотели бы видеть на своих экранах утром и вечером? Кто достоин фамы? За нашим душераздирающим конкурсом вы будете следить целую ночь на канале «Шестисотый развлекательный»...

– А какова идея шоу «Ляпсус мемориэ»? – подскочил к Весте с микрофоном юркий корреспондент-клон Тео вездесущий, с ног до головы затянутый в иссинь-чёрную лакированную кожу японских земляных червей-мутантов.

– О-о, – томно закатила глаза под меховыми очками Веста, – этому шоу не было аналогов в истории зрелищ. Его философская подоплёка – трансцендентная относительность всего сущего. Троице участникам будет дано задание найти спрятанный клонопроцессор. Кто первым доберётся до него, сможет тут же произвести своего клона ещё при жизни. Вы сами знаете, какие шансы это даёт, стоит лишь вспомнить недавний грандиозный перформанс Карла умопомрачительного на аэровокзале. Итак, в первой части программы мы проведём участников по маршруту движения к цели, дадим им подсказки, укажем помощников в нахождении ключа жизни. Они должны постараться запомнить всё существенное. Но во второй части шоу, которая будет посвящена собственно поиску, мы перетасуем ориентиры, перепутаем указатели, перевернём подсказки. Помощники станут предателями и провокаторами, а враждебные

друг другу участники постараются сделать поиск смертельно опасным для конкурентов. И ещё. Впервые съёмки не будут ограничены пространством Фабрики. В этой программе весь город станет гигантским павильоном для съёмок, где будут устраиваться гибельные ловушки и покушения, происходить абсурдные ситуации, уводящие участников шоу как можно дальше от истины. В этом лабиринте Питбурга, вдруг ставшего чужим, они должны будут вспомнить показавшиеся им ранее незначительными приметы и подсказки местонахождения клявис витае, ключа жизни, сик дикта.

– Это великолепно! – взвизгнул Тео вездесущий, эротично облизав верхнюю губу и старательно погладив себя между ног, – А если кто-то из участников умрёт во время шоу, не явится ли это поводом к отмене главного приза?

– Ни в коей мере, – уверила Веста пленительная, – Концепция программы прошла самую строгую цензуру. Даже если умрёт сам Антоний великолепный, зрители увидят триумф победителя! Ну, а сейчас мы перейдём к кастингу. Надеюсь, наши претенденты готовы на всё ради фамы. Наш девиз: фак тотум!

– Трахай всех, – шепнул стоящий рядом со мной худосочный белобрысый юноша в квазиантичной тунике, схваченной на плече безвкусной брошкой в виде розы.

– Делай всё! – невозмутимо пояснила Веста пленительная, давая операторам знак прекращения съёмки.

Тео вездесущий с упоением облизал свой средний палец и сунул его в уже гаснущий глазок ближайшей камеры.

Пёстрой толпой мы хлынули в вестибюль павильона «Инферно». Долговязый тип со смазливый лицом в тесном чёрном смокинге, золотых женских босоножках на босу ногу и с трансгенной банановой кожурой в петлице толкнул меня в дверях, так что я больно ушибся о косяк, и проскользнул вперёд меня, не извинившись. Служащие Фабрики в ярком кислотном гриме, некоторые совершенно обнажённые из-за адской жары, шустро раздавали анкеты участникам кастинга. Вопросов было немного, но я не знал, каким пишущим средством воспользоваться: мини-скриблером я владел не слишком хорошо, а обычных стилусов не хватило на всех. Я терпеливо ждал, пока сидевший рядом со мной рыхлый юноша с толстой белокурой косой на совершенно лысой голове, одетый в форму офицера (бренд 1914, Россия, императорская гвардия) заполнит свою. В это время в углу завязалась драка из-за мини-скриблера между долговязым грубияном в смокинге и двумя чернокожими близнецами в костюмах мифических Санта Клаусов. Смазливый нахалуга, развратно кривя тёмно-вишневые губы, виртуозно наносил удары острыми каблуками своих золочёных босоножек. Санта Клаусы выли от боли, путаясь в намокших от пота костюмах. В конце концов, под крики «обсцено, обсцено!» близнецы были удалены из зала и отстранены от кастинга по причине того, что их анкеты были залиты кровью. Все с облегчением вздохнули: двумя конкурентами стало меньше.

Я аккуратно заполнял свою анкету, внимательно читая вопросы, написанные на латыни. Так, Лотар Б. Один из избранных. Не клон. С надеждой на вечную. Мементо мори. Фак тотум. Тотус туус. Обсцено. Оптима форма. Как гладко я отвечаю! Стоп. Вот заковыристый вопрос. Моя профессия? Кто я? Хранитель виртуального музея? Не внушает доверия. Напишу просто: хранитель Эрмитажа. Может быть, не вспомнят, что это такое. Дальше... Что ты любишь? О fortuna, что я сделал! Хотел написать «фама», а написал «мама». Вот идиот. Эти новые стилусы не терпят исправлений. Сейчас же расплывается сиреневое пятно, поглощающее всю страницу. Расстроившись, я трижды написал «обсцено» на вопросы о том, чем я увлекаюсь, и в досаде бросил листы на пол.

– Не расстраивайся, – вдруг услышал я приятный тонкий голос.

Оглянувшись, я увидел белобрысого юношу в мятой тунике и с розой на плече, что стоял во дворе рядом со мной.

– Они всё равно их не читают, – прошептал он, – вот увидишь, тебя допустят к кастингу. Не скрою, мне было приятно это слышать. Я поднял листы, протянул их служителю Фабрики и улыбнулся белокрытому юноше.

– Меня зовут Телеф, – прошептал он, – я поэт.

Поэт! Бедняга, это ещё более дурацкое занятие, чем хранитель виртуального музея. Я почувствовал нечто вроде жалости к новому другу.

– И что же ты сочиняешь? – спросил я из вежливости.

– Вот, послушай.

С пятью клонами повозилась за ночь,
А всё равно – прелестница.
Гордо шествует, не спотыкается
Пленительная
Веста.

Я пугливо оглянулся. Какая непристойность! Но смешно! Кто не знает, что Веста... Я громко рассмеялся, испугав сидевшую напротив женщину в прозрачном трико и с рыболовной сетью на голове. Бедняжка явно не имела и доли тех возможностей, что были у Весты, чтобы соорудить более-менее приличный гардероб. С рыболовной сетью фамы не добьёшься, подумал я, но тут же одёрнул себя. Сам-то... Я был одет в оранжевые джинсы (бренд конца прошлого миллениума, Китай) и толстую меховую безрукавку неопределённой эпохи на голом теле. За спиной болтался защитного цвета армейский рюкзак того же периода, что и джинсы. На ногах – бирюзовые пляжные тапки Фебы. Ободрённый моим дурацким смехом, Телеф лукаво улыбнулся и опять начал:

Лукреций блистательный
Срочно
Требуется перевоплощенья.
По нелепой случайности
Кастратом
Стал:
В ретранслятор влюбился до самозабвения
И ошибся отверстием
Во время
Совокупленья...

– Молчи, молчи! – зашипел я злобно.

Нет, это уж слишком. Да что он возомнил себе! Телеф замолчал, смущенно глядя на меня. «Не донесёшь?», как бы спрашивал его взгляд. Тем временем служители фамы уже приглашали всех пройти в зал для испытаний. Как и говорил Телеф, никто не вылетел после подачи анкет. Обернувшись, я едва заметно подмигнул ему. Он сразу понял, и на его простодушном лице расцвела благодарная улыбка.

В окружении десятка телекамер опять появилась Веста пленительная. Поистине, как остроумно заметил Телеф, она не спотыкалась. Подобрал лиловый подол, так что близидящие могли лицезреть край очаровательных трусиков из трансгенной рыбьей чешуи, Веста юлой подкатилась к наименее эффектной по отношению к камерам точке и с приятной хрипотцой объявила задание первого конкурса:

– Кто сделает самый экстравагантный жест?

Сразу нашлось несколько ретивых участников обоего пола, желавших повалить Весту на пол и стащить с неё трусики, но эти попытки были немилосердно пресечены служителями Фабрики, разогнавшими нечестивцев тяжёлыми цепями. Приятно разругавшись Веста, оправивши подол, поспешила оголить в ближайшую камеру грудь.

– Сука! – послышалось обценное из маленькой, злобной толпы уводимых служителями неудачников, спровоцированных прелестями Весты. Затем – пара хлёстких ударов цепями и визгливые крики не выдержавших кастинг.

Никто из оставшихся в зале не решался начать первым, пока к Весте не подошёл, растолкав острыми локтями соседей, нахальный юноша в смокинге и с бананом в петлице. Низко поклонившись Весте, он рванул себя за ворот белоснежной манишки, в свою очередь оголив грудь, бледную как у покойника. Все выжидательно молчали. Пожав плечами, как бы в раздумье, смазливый нахал неожиданно выхватил опасную бритву и бросился к стоящему в первом ряду полуобнажённому толстяку, единственным предметом одежды которого были бесформенные белые рейтузы бренда неизвестно какого года. Схватив толстое запястье, зловерный нахал полоснул по нему бритвой, пустив яркий фонтанчик крови. Обмакнув в кровь угол белоснежного платка, негодяй отпустил толстяка, от изумления и боли грохнувшегося в беспамятстве на пол, и опять подскочил к Весте, – надо отдать ему должное, с редкой ловкостью угадывая выгодный ракурс по отношению к камерам. Театрально выпятив бледнокожую грудь, он окровавленным платком начертил на ней имя «Веста» и застыл в комическом полупоклоне. Все замерли в ожидании неминуемого наказания. Веста, капризно надув золотые губки, раскачивалась на одном каблуке, с видимым недоумением созерцая кровавую надпись. Ещё секунда, и она... радостно захлопала в ладоши, выказывая одобрение торжествующему нахалу. Истекающего кровью толстяка в рейтузах уводили служители.

Надо сказать, что во время экстравагантных жестов других испытуемых никто не пострадал, хотя они были разнообразны и в разной степени отвратительны. К своему стыду должен сказать, что я облизал подошвы апельсиновых туфель Весты, вызвав её смех, а Телеф очень натурально изобразил труп, оживший от прикосновения пленительной к его тунике. Увядшая женщина с рыболовной сетью на голове исполнила на столе марсианский танец, суть которого, как известно, состоит в неестественном искривлении всех возможных частей тела. При этом в её туловище что-то неприятно хрустнуло, и так и не в силах распрямиться, в сложенном виде, она была вынесена из зала помощниками Весты. После того, как отсёлся последний участник, самонадеянно плюнувший в объектив телекамеры, нас осталось десять. Вот эти счастливицы и должны были прийти завтра на решающие, последние испытания для отбора в шоу «Ляпсус мемориэ».

...смотрите на меня! Мы находимся в Фельдмаршальском зале, открывающем Большую парадную анфиладу. Ранее в нишах находились изображения русских фельдмаршалов. В декоре люстр – воинские символы – а...а...арматуры. Вы, наверное, заметили, что отделка этого а... зала значительно отличается от декора Главной лестницы. Это другой стиль – классицизм, апеллирующий к искусству античности. Обратите внимание, как четко акцентированы входы, как соразмерно друг другу... Ой! Сейчас же отлепи жвачку! Где его мать? Мать!!! Наверху лепнина имитируется гризайльной росписью, это монохромная, то есть сочетающая всего два цвета роспись... Мать! Да, это имитация. Что такое имитация? Подделка? Фальшивка? Имитация! Стены отделаны искусственным, матово отполированным мрамором... Фальшивка? Фуфлю? Имитация!!! Это ваш ребенок? Да, искусственным! Работа архитектора Стасова! Дело в том, что в 1837 году именно между этим залом и соседним Петровским возник пожар, за 33 часа полностью уничтоживший всю отделку Зимнего... Стасов и другие архитекторы в рекордные сроки восстановили... Да, вот такой пожар. Ужас, да. Кошмар. Безобразия. Свинство. Искра попала в дымоход. Уроды, да. Вы, наверное, обратили внимание

на карету. В ней присутствует тот же барочный эффект, что и в лестнице... барокко... разнообразие красок и форм...

Возвращаясь с Фабрики в приподнятом настроении, я на несколько секунд задержался у развалин Эрмитажа, пытаюсь угадать, в какой его части находилась та самая барочная лестница, о которой рассказывал Иван. Смешно, но сейчас от Зимнего осталось ещё меньше, чем после того пожара, которым столь ужасались слушатели Ивана. Пожар времени, более жестокий, чем умышленный поджог. Я чувствую, как этот скрытно тлеющий огонь сушит мое тело, всё еще здоровое и цветущее, но уже отмеченное внутренними признаками распада. Придёт срок, и оно вспыхнет в один момент и сторит так же стремительно, как иссохшие деревянные перекрытия старого дворца. Мой срок близок.

– Бона диес! – вдруг раздалось у меня за спиной.

– Привет! – машинально ответил я, и вдруг с ужасом узнал давешнего йоба с цветочным горшком. Кто бы мог подумать, что йобы могут изъясняться на латыни!

– Интересует дворец? – приветливо поинтересовался йоб.

– Да нет, – нерешительно ответил я, – я всего лишь слышал о лестнице с застекленными зеркалами окнами, стенами из фальшивого мрамора и тесным рядом толстых гранитных колонн на площадке.

Его звали Григорий – плебейское имя, как у всех йобов. До сих пор не пойму, что заставило меня ещё раз заговорить с ним, да ещё и спуститься в это мрачное подземелье, подвал Эрмитажа, уже давно не имеющее ничего общего с аккуратным виртуальным Эрмитажем у меня внутри.

– Скоро я буду бессмертным! – похвастался я, и мои слова отозвались гулким, гробовым эхом в этом холодном склепе, полном нечистых испарений и липкой паутины.

– Ты заблуждаешься, – тихо сказал Григорий, – Твоя душа умрёт вместе с этим бранным телом, от которого ты так спешишь избавиться.

– Ложь, – крикнул я, – я буду жить в превосходных клонах, в моём втором, третьем, двадцать четвёртом «я». Дикси!

– Бред. Неужели ты не догадываешься, что клоны лишены души? Почему, ты думаешь, они так стремятся избавиться от оригинальных телесных воплощений? Почему, в конце концов, они так стремятся избавиться от нас, йобов, пичкая нас ядовитым концентратом? Это будет планета клонов, и ни в одном из них не останется ничего человеческого. Они хуже роботов. Они попирают божественное творение.

– Я не верю. В тебе говорит твоё ничтожество и злость. Культура клонов изначально выросла из искусства избранных, именно для них всё это и придумано – возможность творить, не испытывая страха смерти и дурацкой потребности в куске хлеба! Клоны с удовольствием играют формами бывшего, старого искусства и делают новое – которое не в состоянии понять не только ты, но и я.

– Не могу понять, потому что и понимать там нечего. Использование культуры и религии как приманки для совершения глобальных злодеяний – один из древнейших трюков власть имущих, начиная с крестовых походов и заканчивая Третьим немецким рейхом.

– Ерунда. Ты интуитивно боишься тех высот, на которые поднялся дух, способный создавать чистое, божественное искусство, незамутнённое даже намёком на вульгарные, бестиальные потребности (обсцено!). Скажу тебе по секрету, я читал выдержки из одной древней книги под названием «Игра в бисер», где описано именно такое состояние культуры, как у нас сейчас. Это изысканная, рафинированная, стерильная игра чистейшими смыслами бытия в их полнейшей относительности, магическими формулами свободы. Божественными, опять сказал бы я,

но что есть Бог? Где он? Его нет. Есть мы – бессмертные, избранные, существующие для созидания и наслаждения! Вечно!

Григорий засмеялся с отвратительным, надсадным хрипом.

– Ваше искусство скоро превратится в нечленораздельный, монотонный лепет, музыка станет металлическим лязганьем, повторяющим один и тот же мотив. Если всё – бисер, если все смыслы относительны, что толку станет вообще как-то различать их? Если все слова синонимы, зачем трудиться составлять предложения? Когда последний из нас умрёт, этот мир наполнится нечленораздельным воем и диким скрежетом механизмов. Попомни мои слова!

«Мне будет всё равно», подумал я, и тут же ужаснулся. Неужели он прав, и мой клон – это буду не я? Как страшно, тогда лучше смерть. Смерть как освобождение... Какая чушь.

– Ты когда-нибудь плакал, глядя на произведение искусства? – спросил Григорий.

Будь я проклят, его голос был воплощением непристойности. Разве можно задавать такие вопросы? Слёзы... Примитивное физическое выражение эмоций (обсцено!).

– Кажется, это когда-то называлось «катарсис», – вкрадчиво сказал он. – Пойдём, я покажу тебе кое-что.

Мы спустились ещё глубже в подземелье. В огромном, полузасыпанном землей помещении стояли ряды потемневших, с провисшими холстами картин. Кажется, так назывались эти закрашенные тусклыми красками прямоугольники ткани, натянутые на деревянные рамы. Я был знаком со многими из них по рассказам Ивана, но никогда сам не видел ни одной. Честно говоря, они не производили впечатления. Тёмные, мрачные, с едва различимыми контурами немых существ, как бы выползающих из тьмы на свет дня. Адские создания. Да каких ещё могла создать рука художника, заморенного ядовитой жратвой! Григорий тем временем взял небольшой холст и, перевернув его, протирал тряпкой, смоченной чем-то вонючим. Под слоем пыли и грязи постепенно проступало примитивное, фигуративное изображение бытовой сценки. Сейчас этот период, произведений которого давно никто не видел, насчитывающий приблизительно шесть столетий, принято называть одним коротким словом: кич. Пошлость, занудное любование всем мелким, повседневным и приземлённым – вот, насколько я помню, квинтэссенция этого периода. Он закончился где-то в первой половине двадцатого века, когда были зафиксированы первые, робкие попытки рождения нового искусства. Тогда же и презрение к человеческой жизни с её жалкими потребностями было, наконец, вполне осознано и отпраздновано в карнавальном буйстве двух невиданно опустошительных войн. Я холодно взглянул на картину. Взгляд постепенно привыкал к темноте, и я различил стены дома, деревья, парнокопытных животных, женщину, счищающую с рыбы чешую, стоя у колодца... У её ног ползала собака? Ребёнок? Нет, ребёнок сидел поодаль, а мужчина, одетый как йоб, отгонял от него собаку, которая пыталась отнять у ребёнка... еду. И тут, глядя на эту собаку, я разрыдался.

Вот так безобразно закончился столь счастливо начавшийся день. Естественно, я убежал из Эрмитажа, испытывая стыд и отвращение к самому себе. Вечер прошёл как всегда. Феба смотрела новое шоу Лукреция блистательного под названием «Последние минуты». Лукреций ловил людей на улицах Питбурга и просил их прокатиться на его новом прозрачном аэромобиле, утаив тот факт, что в нем не работала кнопка остановки. Феба помирала со смеху, глядя как уморительно орут и жестикулируют подопытные Лукреция, не в силах остановить набравший скорость аэромобиль, несущийся к полуразрушенному мосту. В последний момент срабатывала катапульта, и жертва фамы в изнеможении вываливалась на обочину, не получив и царапины. Меня всегда раздражали шоу Лукреция по причине большого количества резких хлопков, призванных заглушить obscenity, раздающиеся из уст участников как во время испытания, так и после. Я вздохнул с облегчением, когда Феба переключила на «Шестисотый

развлекательный». Всю ночь я вздрагивал во сне и к утру проснулся измочаленным и несвежим.

...Петровский зал Зимнего дворца редко употреблялся для торжественных церемоний, в то время как следующий, а... а... Гербовый зал предназначался непосредственно для приемов, в частности, государь принимал здесь делегации различных сословий. Отделка зала восходит к античным образцам, но строгость и четкое членение архитектурных объемов сочетается в данном случае с почти избыточным, на мой вкус, употреблением позолоты – в стволах и капителях сдвоенных колонн и пилястр, массивных бронзовых люстрах, баллюстраде, опоясывающей зал... Донт тац зе коламм, плиз, сё! И вас это касается! Нет, они не полностью золотые. Имитация? Фуфло? Позолота! Работа архитектора Стасова! Сейчас в зале находится экспозиция западноевропейского а...а...серебра – одна из лучших в мире. Фуфло? Нет, они полностью серебряные. Вот в этой витрине – редкий образец – пладеменаж работы французского мастера Клода Баллена Младшего. «Пладеменаж» в переводе с французского – нечто вроде «подноса для еды». В середине сооружения – имитация беседки, венчаемая фигурой а...а...Вакха, выдавливающего в чашу виноградную гроздь. Это бог вина, мальчиш. По бокам беседку фланкируют фигурки танцующих а... вакханок. Изображение виноградных листьев и ягод присутствует во всей отделке пладеменажа. Кха! Кха! Извините. В хрустальные судки по бокам наливали различные специи, уксус, масло, а в беседку укладывали фрукты... Чем ели? Да какая разница... Створки раковин по бокам пладеменажа – для устриц... Кха! Кхе, кхе, кхе... Кха! О, чёрт!...

Странная вещь: сколько бы раз в день я не переходил Дворцовый мост, всегда прослушиваю про себя экскурсию Ивана. Интересно, что такое специи? И с какой целью обычной жратвой поганили столь изысканно украшенную посудину? Поистине, не все так однозначно и понятно в жизни тех людей.

Пока ждали начала кастинга, я поделился с Телефом своим странным опытом вчера в подвале Эрмитаже. Он был неприятно поражен тем, что я связался с йобом, но из свойственной ему деликатности попытался перевести всё в шутку и тут же сочинил несколько строк на тему неуместного знакомства:

Злая судьба! Рок многоликий
Меня покарал.
Забыл я завет
Для всех справедливый:
В дерьме извалялся,
С йобом общался
Изгоем стал.
Прости меня,
Клон милосердный,
Антоний безгрешный,
И ты алкал
Славы сомнительной.
Грех упоительный
Тебя побрал...

Я впервые слушал Телефа с интересом, но всё же упоминание Антония великолепного показалось мне довольно непочтительным. Да и разве может Телефон судить о грехах Антония... – Послушай, как может грех побрать? – спросил я с сомнением.

– Ну, это дьявол. Дьявол его побрал, – нехотя пояснил Телеф, озираясь по сторонам. Ему явно не хотелось ничего менять в уже сложенных стихах.

В сопровождении Тео вездесущего, без конца потирающего своё причинное место, появилась Веста пленительная, и наши испытания продолжились. Предварительное задание с латинского переводилось как «опусти противника». Сполна насладившись нашим неловким молчанием, Веста пояснила, что мы не должны думать ничего дурного. Наша задача – как можно сильнее унижить соперника, используя при этом минимум подручных материалов. Крови проливать не разрешалось, и за это задание все получили достаточно низкие баллы. В выгодном положении оказались мы с Телефом, так как договорились подыграть друг другу. Я шепнул ему на ухо «с надеждой на вечную», после чего он покрылся эффектными багровыми пятнами – способность, данная от рождения. На вопрос Весты, что было сказано на ухо, я скромно пробормотал «обсцено», и Веста с неудовольствием умолкла, а остальные участники завистливо уставились на меня. Телеф же заявил во всеуслышание, что мой предок был йобом, а когда я достоверно изобразил возмущение, скачал из процессора не слишком известную цитату Антония великолепного, где говорилось, что нашим общим предком был какой-то Адам (судя по имени, настоящий йоб). Шутка была не столь удачной, но Телефа спас авторитет Антония. Остальные участники не проявили большой фантазии, ограничившись плевками, шлепками и порчей одежды противников. Самый большой балл получил Алкей – так, кстати, звали грубияна в смокинге. Он в одно мгновение отстриг белокурую косу у рыхлого юноши в офицерском мундире и засунул ее себе в петлицу вместо банановой кожуры.

Низкое багровое солнце за окнами павильона обреченно двигалось к закату, когда мы подошли к главному испытанию – демонстрации наших талантов. Из десяти нас осталось шестеро, и я был в растерянности, не зная, какой талант я мог бы противопоставить способностям остальных участников. После жестокого отбора остались самые яркие персонажи, среди которых особо выделялся смазливый и наглый Алкей, теперь уже лысый рыхлый юноша в мундире, находившийся в весьма креативном состоянии перманентной ярости после выхода Алкея, женщина в белом медицинском халате поверх чёрного водолазного костюма, с докторским саквояжем, полным сюрпризов, и парень с нездоровым лицом и бесцветными волосами в железной кольчуге на голом теле и с корзиной, нагруженной камнями.

Тут я в первый раз увидел Антония великолепного, ин карне. Великолепный был затянут в дамский, на китовом усе корсет (бренд конца XVIII века, Париж), поверх которого угловато коробился жёсткий плащ с металлическим отливом (бренд 1960-х, цирк Дю Солей, реквизит иллюзиониста). Другие обнажённые части его мощного бронзового тела были тут и там небрежно перетянуты кожаными ремнями, а ниже синевато-небритого подбородка болталось железное забрало от максимилиановского шлема. В руке Антоний держал свой атрибут – сосуд венецианского стекла, наполненный свежей бычьей кровью.

С волнением мы перешли к финальному испытанию. Первой пропустили женщину в медицинском халате. С развратной улыбкой на несвежем, опухшем лице с неумело загримированными гематомами, дама открыла докторский саквояж и достала оттуда остро наточенный скальпель. Публика насторожилась, но женщина осталась на своем месте и вдруг резко полоснула скальпелем сверху вниз по застёжке халата. Халат распахнулся, открыв надетый на тело женщины черный водолазный костюм, что не было сюрпризом. Однако затем, полоснув уже по костюму, она виртуозно обнаружила непристойнейшего вида красное кружевное белье (бренд конца XX века, Гамбург, улица Рипербанн). Под объективами нескольких с любопытством сфокусировавшихся на белье телекамер дама-доктор ещё раз взмахнула скальпелем, обнажив, ко всеобщему удовольствию, довольно гладкий и упругий животик с пупком, украшенным изумрудным скарабеем. Антоний великолепный несколько раз снисходительно хлопнул в ладоши, но оказалось, что это был не конец шоу. Призывно улыбнувшись, дама полоснула скальпелем по собственному животу, открыв для всеобщего обозрения находившийся в его

полости часовой механизм, работавший громко и чётко. Все восхищенно перешептывались, глядя на шустро вращающиеся позолоченные шестеренки, как вдруг в животе у дамы что-то лязгнуло, и чудесный механизм остановился. Чувствуя себя, по видимому, не слишком блестяще, дама-фокусник с трудом доковыляла до кресла и грохнулась на него в изнеможении.

Пришла очередь Телефа. «О, фама!», – объявил он название стиха.

Бедный Светоний.
Всеми обманут.
Желал он славы —
Обрёл позор.
Лучше бы уж
Забыл он эти
Дурные дела.
Природа зла:
Не стоит ...ть
Тех, кого родила
Мать.
Маленьких йобов плебейские попки
Это не способ
Звездой
Стать.

Я в ужасе зажмурился, ожидая, что Телефа прогонят с криками «обсцено», но всё обошлось. Ругать покойного Светония и его нелепую передачу с маленькими йобами было модно, и тут стихи Телефа, что называется, прились ко столу (обсцено!). Публика долго дубасила подошвами об пол, выражая своё восхищение, и за этот конкурс, неожиданно для всех, Телеф получил высший балл.

Вызвали меня. О fortuna, как я трясся. К сожалению, ничего за душой у меня не было, кроме дурацкой экскурсии Ивана. Отрывок из неё я и прочитал, выдав его за свое сочинение и назвав «Мир иной».

Здравствуйте, меня зовут Иван. Сейчас я проведу для вас экскурсию по Эрмитажу. Вы не увидите всё, но увидите главное...

Никто кроме Телефа, конечно же, не понял, о чем шла речь. Все подумали, что это рассказ о некой загадочной планете под названием Эрмитаж. Отрывок был благосклонно принят, и многие задавали вопросы. А кто этот Иван? Он что? Почему так привязан к какой-то лестнице? Не хочется ли ему разрушить такое большое убежище? Что хотят эти существа? Почему он терпеливо возится с ними, вместо того чтобы взять минибомбу и шарахнуть в самую серёдку?

Я терпеливо отвечал, выдумывая на ходу, и в конце концов заслужил змеевидную улыбку Антония.

Сразу за мной выступал Алкей. Он объявил, что хочет воспользоваться случаем для презентации своей новой книги «Убить не до конца» (Издательство «Стикс», Питбург, 2910). Суть его произведения, ин бреви, в том, что он открыл потрясающий секрет: как можно немилосердно поранить человека, при этом не рискуя отправить его на тот свет. Названная проблема чрезвычайно заинтересовала Антония, ведь всем известно, что убийство до сих пор карается наказанием в нашем Питбурге, тогда как любые виды увечья не являются преступлением, поскольку клонирование решает эти мелкие проблемы. Раскрыв рот и выпятив забрало,

Антоний приготовился наблюдать демонстрацию Алкея, который бросился на толпу стажеров и стал избивать и резать всех подряд, используя килограммовую чугунную гирю и оброненный женщиной-фокусником скальпель. Потекли кровь и грим. Служители фамы насилу растащили Алкея и отчаянно сопротивляющихся стажеров. Разгоряченный Алкей с энтузиазмом поделился своим секретом: следует кромсать и бить любые части тела, кроме верхней части головы и низа живота. Большого урона не будет. Антоний и Веста хлопали от души.

Обиженный Алкеем юноша в мундире взял в руки свою отрезанную косу и стал мерно бить ею по столу. Он все еще сотрясался от ярости, и от мерных ударов его собственное тело, казалось, было вовлечено в жутковатый ритмический танец. На губах юноши выступила пена, лицо побагровело, он бил так сильно, что уже и стол начал трястись, а за ним вслед – и телекамеры, и кресла, и ретрансляторы, и стены павильона... Из пуза застывшей в ступоре женщины-фокусника высыпались детали часового механизма, Антоний великолепный расплескал бычью кровь из своего атрибута, парень в кольчуге не смог удержать корзину с камнями, побившими суевившихся на нижнем ярусе операторов, камеры и прожекторы полетели с подставок, а чугунная гиря из арсенала Алкея едва не пробилась череп Весте пленительной. Пронзительно завизжав, Веста своими руками вытолкала сейсмического юношу за двери павильона. На этом испытания закончились. Антоний и Веста не пожелали испытывать способности оставшегося парня в кольчуге, по причине позднего времени, и удалились для принятия решения.

Сейсмический юноша и женщина-фокусник были отвергнуты, и для участия в шоу «Ляпсус мемориэ» выбраны трое: я, Телеф и Алкей зубодробительный.

Мир без дерьма,
Из всех миров
Лучший.
Не надо зла,
И так понятно,
Что жизнь – тоска.
Я-то ведь грязный,
Я безобразный,
Я непристойный,
Неприспособленный
К этому миру,
Что лучше меня.
Душа – фигня.
Я не со зла.
Вот стану клоном,
Нежным, влюбленным,
Примешь меня.
Торной дорожкой
Пойду на закланье.
Нет оправданья
Моей тоске.
Сильный и новый,
Буду с тобою
Радость делить
Тихим ответом.
Стану с приветом
Счастье дарить.

– А почему «с приветом»? Он что, свихнулся? – спросил я.

– Да нет, с приветом – вроде как гуманус, амабилис, дружелюбно, ласково, сик дикта, – вяло ответил Телеф.

Разговор этот происходил на Дворцовом мосту. Мы возвращались с Фабрики, и никому из нас не хотелось вспоминать о том, что с завтрашнего дня мы должны стать соперниками, не останавливающимися ни перед чем в борьбе за главный приз «Ляпус мемориэ». Перед тем как расстаться, мы долго молчали.

– Такова жизнь, – наконец, произнес я.

– Такова, – мрачно подтвердил Телеф.

На следующий день у меня уже не было возможности поговорить с Телефом: после торжественной процедуры начала шоу, когда я, он и Алкей стояли вместе на бастионе древней крепости, а ветхая пушка, заряженная марсианским огнём, содрогалась от залпов, посылаемых в сторону Зимнего, мне было не до этого. На церемонии присутствовал весь цвет Фабрики: Антоний великолепный с атрибутом, наполненным свежей кровью, язвительно улыбающийся и молчаливый, говорливая Веста в сопровождении вездесущего Тео, Карл умопомрачительный с наивно-невинным выражением – олицетворение безнаказанного зла, и наконец, глава Фабрики Лео несравненный – в костюме папы (бренд 1940, Ватикан) и со своим атрибутом – чугунной решёткой, на которой поджарили основателя Фабрики Люция нежного во время восстания йобов в 2266 году.

...после триумфальной победы над Наполеоном император Александр задумал соорудить мемориальный зал... Проект зала принадлежал выдающемуся архитектору Карло Росси, автору известного вам Главного Штаба и ряда других замечательных а...а... Добрый день! Да, жив пока. Это портрет Кутузова работы Джорджа Доу. По бокам – портреты знаменитых генералов войны двенадцатого года – Дениса Давыдова, он возглавлял партизанское движение, Ермолова... Далее – портреты наших союзников в войне против французов – прусского короля Фридриха-Вильгельма, австрийского императора Франца... Эта твоя подруга – (нрзб). Вчера... Да я рассказываю, рассказываю! Нажралась как (нрзб). По этому поводу Пушкин сочинил восхитительные строки: «толпою тесною художник поместил сюда начальников народных наших сил, покрытых славою чудесного а...а...похода и вечной памятью двенадцатого а...а...», а отсюда мы пройдем в самый главный зал Зимнего дворца, шедевр а...а...Стасова.

Утомлённый неожиданно свалившейся на меня фамой, я с трудом пережил церемонию, бормоча про себя отрывки экскурсии по Эрмитажу. Не слишком приятное зрелище для зрителей шоу, должно быть, представляло моё бледное лицо с пустым выражением глаз и выступившими на лбу капельками пота. Из нас троих по настоящему фотогеничным был только Алкей с его женственной, но сильной фигурой, запакованной в тесный смокинг. Он то и дело демонстрировал публике язык, проколотый миниатюрной платиновой вилкой (бренд 2065, Нью-Йорк, «Тиффани»). На голове его, в диссонанс к смокингу, сегодня красовалась огромная, украшенная цветами дамская шляпа (бренд начала XX века, Виндобона). Наконец, перешли к главному: оглашению правил игры. Доселе молчавший Антоний великолепный объявил регламент: поиск ключа жизни начнётся ровно в полночь и завершится в семь утра. Если к этому сроку ни один из участников не найдёт клонопроцессор, приз будет аннулирован. Для состязания не случайно выбрано ночное время: когда в городе безлюдно, риск случайных жертв будет сведен к минимуму, а мы трое сможем без помех прятать ориентиры и устраивать ловушки противникам. Без пяти минут двенадцать каждый из нас получит первый ориентир, который он должен спрятать в течение часа, передав одному из соперников искусно зашиф-

рованные координаты поиска. Нахождение каждого ключа – путь к следующему. За всю игру каждый из нас получит три ориентира. Из трёх ориентиров для каждого два являются фальшивыми, а один подлинным, и подлинный ориентир означает место, где спрятан ключ, указывающий дорогу к клонопроцессору. Как вы узнаете подлинный ориентир? К нему мы приложим еще один набор предметов для передачи противнику, как в первом круге, когда вы будете сами прятать ключи для ваших врагов. Игнорировать фальшивые ориентиры тоже не стоит – ведь они укажут дорогу к настоящему. Всё это выглядит абракадаброй, сказал Антоний, но на деле не будет столь сложным, необходимо лишь быстро соображать. Своего изображения на экранах мы не увидим, но повсюду в городе будет транслироваться рейтинг участников шоу, указывающий степень прогресса, которого мы достигнем в поисках ключей.

У Иоанновских ворот крепости нам вручили свёртки с первыми ориентирами. Было без пяти двенадцать. Уже давно стемнело, холодное небо Питбурга было иссиня-чёрным, но наш старт освещали прожекторы. Теплогенераторы, замаскированные под цветочные клумбы, немного согревали воздух, сырой и морозный, как всегда питбургской зимой. Повозки с телекамерами были готовы следовать за нами повсюду (или почти повсюду). Я ощупал свой свёрток. Там было что-то скользкое и холодное. Меня предупредили, что это ориентир для Телефа, и он фальшивый. Встречаемся через час на стрелке Васильевского между руинами морских фонарей. Оглушительный залп пушки возвестил полночь, Веста пронзительно завизжала, Лео несравненный взмахнул своей тиарой, и мы бросились в разные стороны прятать наши ориентиры.

На бегу я развернул свой свёрток. Какая дрянь. Там лежала дохлая рыба в начальной стадии разложения. Фальшивый ориентир, как я знал, поэтому я даже не стал трудиться и гадать о его значении, оставив это для Телефа. Телефон – мой враг. Пусть поломаёт голову, в Питбурге навалом разрушенных памятников с морской символикой. К этому времени я уже пересёк Неву и находился в районе сада, когда-то называвшегося Летним. Достав моток скотча, я приклеил рыбу к фрагменту литой решётки – единственному, находившемуся в вертикальном положении. Теперь надо было придумать изящную загадку для Телефа, разгадав которую, он найдёт дурацкую рыбу, затем, в свою очередь, разгадает её значение и найдёт спрятанный следующий ключ, на сто процентов фальшивый. Меня тоже, возможно, ждёт фальшивый ориентир, задание спрятать который получил либо Телефон, либо Алкей. Таковы правила шоу.

Загадку я придумал очень быстро. Летний сад. Когда-то, ещё при Пите Первом, он назывался царским огородом. Там выращивали корнеплоды, поедаемые пополам с землёй. Как было предусмотрено правилами «Ляпсус меморизэ», я попросил двигающихся за мной служителей Фабрики достать мне пару этих невыразимых, что они и сделали чрезвычайно быстро. Зашифровать решётку не составляло вообще никакого труда. Подавляя смех, я положил в свёрток для Телефа, помимо корнеплодов, фотографию Лео несравненного. Кто не знает, что решётка мученика – его неперменный атрибут!

Ровно через час я стоял между руинами фонарей на противоположном берегу Невы. Алкей пришёл раньше, он вальяжно стоял, опершись о постамент, с виду совсем не запыхавшийся. Я сразу подумал, что он спрятал ориентир где-то поблизости, особо не потрудившись. Наконец, прибежал и Телефон, взмыленный, растерянный, во влажной тунике. Он сунул Алкею в руки что-то небольшое и блестящее, вроде кольца. Понятно, мой ориентир у Алкея. Я передал Телефу ориентир к его фальшивке, стараясь не смотреть ему в глаза. Свёрток, полученный от Алкея, я развернул сразу. Цветок тинтинбулум и открытка (бренд 1960) с видом ныне разрушенного собора Петра и Павла в Риме. Цветок колокольчика! Как хорошо все-таки помнить обычные названия. Колокольчик – колокол. Я быстро сообразил, что Алкей имел в виду колокол или колокола, странные штуковины, напоминающие этот цветок, но сделанные из тяжелого металла, вроде того, из которого была отлита гиря, какой пользовался Алкей для выбивания зубов статистов Фабрики. В детстве я играл с таким, он валялся перед нашим домом в районе

бывшего Никольского собора. Потом я видел их ещё раз... Да! Они обычно попадались на развалинах построек, в древности называемых храмами. Дома для поклонения божеству, псевдоклону Христу! Если не ошибаюсь, их одевали на головы мученикам, а потом били тяжелой палкой, причем литые цветки издавали умопомрачительный звук, от которого тут же лопались барабанные перепонки мучеников веры. Не случайно Алкей сунул в мой свёрток фотографию собора Петра и Павла в Риме! Связь очевидна. И я, признанный чудак – знаток истории Питбурга, просто уверен, что собор Петра и Павла в нашем городе находится не иначе как в Петропавловской крепости, в самом средоточии фамы, на территории Фабрики. Lentяй Алкей даже не потрудился выйти за ворота чертога грёз, оставив ориентир чуть ли не у дверей павильона, где мы проходили кастинг. Тем хуже для него. Похоже, начало нашего марафона не обещает мне особых трудностей. В запасе у меня не менее часа. Теперь только ночной питбургский мороз заставлял меня двигаться быстрее, переходя через мост по направлению к Фабрике.

...Георгиевский или Большой Тронный зал – смысловое завершение Большой Парадной анфилады. Сочетание матовой а...а...позолоты с натуральным каррарским мрамором. Конструкция потолка держится на корабельных цепях. Нет, она не упадет. По крайней мере, не сейчас. Узор потолка повторяется в орнаменте паркета, составленного из 16 ценных пород дерева. Донт тач зе фло, плиз, сё! Повторяется за исключением одного фрагмента, как вы думаете, какого? Люстры? Нет. Цепи? Нет. Конечно же, государственного герба. По нему нельзя ступать ногами. Почему?.. На тронном месте стоит трон работы Клаузена, который раньше стоял в Петровском зале, а теперь там стоит реплика работы Майера, которая раньше стояла здесь, когда трон Клаузена... Реплика? Подделка? Фуффло? Имитация! Работа Майера! Донт тач зе срон, плиз, сё. И вы отойдите. Мы познакомились с самыми а...а...великолепными залами дворца, но Зимний дворец – это лишь одно из зданий эрмитажного комплекса. В названиях других зданий уже присутствует слово «эрмитаж», в переводе с французского «приют отшельника», «уединение»... Как звали отшельника? Это а...а...метафора. Екатерина Вторая устраивала званые вечера...

Как забавна эта экскурсия Ивана. Вот великолепный зал, и вдруг неожиданно – упоминание об отшельнике, изгое, живущем в пещере. Как живо, непосредственно рассуждает Иван. Непонятно лишь, почему его слушатели столь озабочены подлинностью музейных вещей. Что им за дело до того, полностью ли деталь колонны отлита из золота, или это всего лишь тонкие золотые листочки, нанесённые на основу. Странные! Впрочем, в этом есть что-то по-настоящему трогательное, сентиментальное... Ну да. Что это за тёмная фигура маячит у ворот Фабрики, не решаясь войти? Это определённо не один из служителей. О, да это Телеф! Что он делает здесь? Наклонившись над свёртком, Телеф с недоумением уставился на фото Лео несравненного, будто пытаясь по выражению его лица отгадать ответ на предложенную мной загадку. Бедняга, он, видимо, подумал, что изображение Лео отсылает к Фабрике, где находится его ориентир. Он даже не попытался поразмышлять о значении корнеплодов. Туника мокрая, потная. Видно, бежал из последних сил, намного опередив меня у ворот Фабрики. Увидев меня, Телеф вздрогнул и зажмурил глаза. Его рука, зажавшая сверток, напряглась. Когда я приблизился, он отступил к стене крепости, сложенной из тяжёлых гранитных валунов и замахнулся на меня свертком. Конечно, операторы немного отстали, а я был физически крепче и мог почти незаметно обработать Телефа, перебить ему ноги, сломать ребро, почки отбить, на худой конец. Но я почему-то не сделал этого. Глядя в испуганные глаза Телефа, я шепнул ему на ухо: «Летний сад» и побежал к воротам, проклиная себя за мягкотелость. Утешением мне было лишь то, что ориентир для Телефа – рыба, спрятанная у Летнего сада, – был фальшивым. Я мог позволить себе некоторое благородство, сик дикта, как это называли в старину.

Подбежав к собору, я не увидел ничего, кроме груды камней и нескольких расколотых могильных плит, лежавших вблизи развороченных мест упокоения. Попытавшись стереть копоть и пыль с осколка толстой мраморной плиты, я порвал тесемку у одного из пляжных тапок, одолженных у Фебы, и вынужден был перевязать ступню скотчем, чтобы обувь не сваливалась с моей замерзшей ноги. На обломке надгробия можно было прочесть: «Петр Великий, Отец Отечества, Император и Самодержец Всероссийский... скончался в СПб. 1725 г. января 28 дня. Погребен в Петропавловском соборе 1725 г. марта 10 дня...». Ого, сам Пит Первый! Блистательный сыноубийца, основатель Питбурга. Сик транзит gloria мунди, мысленно добавил я к прочитанному, отпихнув ногой чей-то ветхий череп. Надеюсь, он принадлежал самому Питу. Остальные плиты пестрели более поздними надписями, нанесёнными из баллончиков с флуоресцентными красками, когда-то добытыми на рудниках Селены. Обычный крэп, явно сгенерированный служащими Фабрики: «Здесь был, есть и буду я, Антиох надменный», «тотус туус», «с надеждой на вечную», «бей йобов» ... Что-то мне шептало, что нужные мне колокола находятся не среди этих обломков, но слегка поодаль, в том месте, где к собору была пристроена высокая башня, которая называлась... ну да, конечно, колокольня. От колокольни мало что осталось. Фактически, от неё не осталось ничего, ведь именно в этом месте Лукреций блистательный по неосторожности взорвал минибомбу прямо у себя в руках, лишив себя напрочь верхней части туловища, а всех остальных – возможности лицезреть руину колокольни Петра и Павла. О его участи, к счастью, позаботился клон Лукреция, что ещё раз доказывает неопределимую пользу существования со своим клоном в одном отрезке времени. От колокольни же осталась груда мусора, оплавившиеся колокола торчали из земли, как и обломок некогда позолоченного шпиля. Порывшись в мусоре, я не обнаружил и следа присутствия ориентира, что вызвало у меня некоторое замешательство, тем более, что в это же время я бросил взгляд на большой экран, возвышавшийся над павильонами Фабрики, где транслировался рейтинг участников шоу «Ляпсус мемориэ». На первом месте был Алкей, потом, как ни странно, Телеф, а я замыкал строку с весьма скромными баллами. Зрители «Шестисотого развлекательного», в отличие от нас, участников шоу, могли сейчас наблюдать на своих экранах передвижения нас троих, снабжаемые при этом ядовитыми комментариями Антония и Весты, сообщающими, кто на самом деле напрасно рыщет по городу в поисках фальшивого ключа, а кто совершенно потерял след и отстаёт от остальных. Похоже, таковым был я. Что за ерунда! Собор Петра и Павла, что могло быть очевиднее? Я напрягся. Неужели мне не помогут знания, полученные от Ивана? Благодаря моей подсказке Телеф уже нашёл свой ориентир, и каким бы фальшивым он ни был, он приведёт его к следующему, а тот, возможно, окажется верным, и тогда... О, адверса фортуна! И Алкей. Он тоже, видимо, нашёл ориентир. Остается лишь надеяться, что Веста и Антоний приберегут подлинные ключи к концу шоу, чтобы продлить это тягостное зрелище. Операторы Фабрики постепенно отступали от меня, теряя интерес, один за другим гасли глазки телекамер. Я ещё раз взглянул на открытку с собором. Тяжёлый купол над дугообразно разворачивающейся колоннадой. Неужели он ничего не напоминает мне? О фортуна, как я слеп к очевидным вещам! Мня себя знатоком, я понёсся к горе мусора, бывшей когда-то собором Петра и Павла, о котором давно уже никто знать не знал. Моя искушенность в архитектуре прошлого опять меня подвела. Если бы я не вспомнил о соборе в крепости, мне сразу бросилось бы в глаза сходство сооружения на открытке с единственным почти полностью сохранившимся в Питбурге Казанским собором с такой же мерно разворачивающейся дугообразной колоннадой и массивным куполом. Колокольня Казанского собора! Вот куда я должен был бежать.

Я быстрым шагом устремился к цели – первому ориентиру, ждущему меня, как я теперь надеялся, на колокольне Казанского. Если, конечно, опять не ошибусь. До рассвета ещё много времени, час X, семь утра, ещё не скоро. Я должен догнать Алкея и Телефа! В этот поздний

час плохо освещенные улицы Питбурга производили странное: редко где сохранилось совершенно целое здание. То тут, то там ещё торчали нелепые шпили или напоминающие огромные овощи (обсцено!) купола построек прошлого миллениума. Но даже причудливые, обтекаемой формы здания конца XXI века, имитирующие увеличенных обитателей биологического микромира (биостиль – последний яркий стиль в истории архитектуры), были частично разрушены и в большинстве необитаемы. Последствия грандиозных празднеств, устраиваемых небожителями Фабрики, были необратимыми, и редко когда возникала необходимость что-либо восстанавливать или ремонтировать, ведь в городе становилось всё больше клонов, а клоны, как известно, абсолютно нечувствительны к неудобствам и отсутствию даже элементарных бытовых условий. Счастливые! Единственное, что их занимает – это фама. Простым смертным пока ещё далеко до подобных высот духа. Ради фамы самые высокопоставленные клоны охотно пользуются атрибутами старой, мёртвой культуры – катаются на барочных каретах, носят античные туники, монашеские рясы или платья времен короля-солнце. Но если что до сих пор сооружается или поддерживается в рабочем состоянии в нашем Питбурге, так это те системы, что служат для поддержания омерзительной жизнедеятельности йобов – фабрика по производству концентрата, трубопровод, прокачивающий для него топливо, канализация... Какой альтруизм, не правда ли? Непрекращающаяся биологическая активность йобов – единственное, что тормозит прогрессивное движение нашего социума по направлению к клоно-парадизу. Насколько отвратительна их жизнь, настолько же отвратна и смерть. Разложение, черви, вонь, гниение – вот удел йоба после смерти, в то время как даже простые смертные, живущие на Инъекции, оставляют после себя аккуратные нетленные мощи, пахнущие полевыми цветами, не говоря уже о клонках, чей уход в небытие – абсолютно стерильная процедура в недрах клонопроцессора. Излишне говорить, что администрация города в своей великодушности заботится не только о жизни, но и о смерти йобов: в окрестностях Питбурга каждый год вырывают несколько групповых могильников, тщательно засыпаемых хлором, что спасает Питбург от невыносимой вони и заразы, бывших его непременными атрибутами со времен основания Питом Первым.

Аполлонов зал – это мостик между Зимним дворцом и Малым Эрмитажем. Раньше здесь находилась статуя а...а...Аполлона. Если вы поглядите в это окно, то увидите стену Малого Эрмитажа – это небольшое здание... Здравствуйте! Да вот, группа в двадцать человек. Совершенные (нрзб). Да, я с вами буду. Оставьте мне кабачковой икры и две булочки, пожалуйста. Иду, иду! Здание состоит из двух галерей, соединяющих Северный и Южный павильоны. В Северном павильоне – великолепный Павильонный зал, отделанный а...а...Штакениндером. К нему мы пройдем без остановки мимо экспозиции средневекового... А? Когда мы посмотрим что? Постели? Постели? Какие постели? В Эрмитаже нет постелей. На чем они спали? Это не наше дело. Вот в этих галереях, на этих стенах и висели те самые картины, которые собирала Екатерина. Донт тач зе волс, плиз, сё! И вы отойдите.

Я отчетливо представил, как Иван ведёт свою группу по музею, обыденно, в который уже раз показывая знакомые залы. Кто-то из приятелей останавливает его, он рад отвлечься, но нетерпеливая публика тащит его дальше, требуя продолжения экскурсии. Интересно, что он имеет в виду, когда говорит «я с вами буду»? Наверное, совокупляться? Но при чем тут кабачковая икра и что это вообще такое? Ой, неужели он будет с ними жрать?... Обсцено! О, фортуна, какая дрянь лезет в голову. Соберись, Лотар, ты теряешь время. Вот собор. Вперёд, к колокольне. Ориентир там. Где же колокольня, где эта нелепая башня, которая обычно стояла рядом с храмом и служила для подвешивания чугунных цветков, использованных по назначению? Её нет. Я тяжело поднялся по ступеням Казанского. Отчаяние навалилось на меня, как тяжёлый колокол на мученика веры. Операторы выжидающе смотрели, не выключая камер. Я

прижался лбом к холодному литью массивных дверей, испещрённых рельефными изображениями йобов, страдающих от невыносимости бытия. Возможно, колокола находятся внутри собора? Монументальная дверь была заперта. Я взглянул на часы, прошёл один час пятьдесят минут с начала шоу. Почти треть времени, потраченного мной впустую. Неудачник Лотар. По крайней мере, используй свои шансы, посмотри между колоннами. Давай, пошевеливайся. Дум спиро сперо. Вот именно, надейся, пока жив. Операторы не отстают от меня, наверное, чувствуют, что именно я тот участник, который способен сдать в самом начале. Неплохое зрелище для зрителей «Шестисотого развлекательного»! Между колонн ничего не было, я спустился по ступеням и обогнул собор. Сбивая плохо обутые ступни в кровь, ступал по дорожке вокруг храма, засыпанной хламом. Споткнулся о железяку, выругался obsceno. Какая свинья бросила здесь чугунную посудину с выщербленным краем. На башку бы ему одеть, клянусь атрибутом Карла умопомрачительного! На башку! О, идиот. Это же обломок колокола. Ничего себе, колокол без колокольни. Я поднял голову вверх и увидел на теле собора прямоугольное отверстие, из которого торчали верёвки. Не веря своему счастью, я бросился к маленькой дверке, наполовину утопленной в земле. Судя по состоянию разрытой почвы, здесь кто-то недавно побывал. Внутри, во тьме, я нащупал винтовую лестницу и устремился наверх, впотьмах несколько раз ударившись головой о притолоку, но не замечая боли. Наверху, и впрямь, было некое подобие колокольни. К железной штукатурке, висящей внутри единственного сохранившегося тут колокола, был привязан вожделенный свёрток, оставленный Алкеем. На часах – четверть третьего ночи. Внутри свертка я нашел: жетон метро (бренд 1999, Петербург, Метрополитен) и кассету с записью «Интернационала». Песня, если не ошибаюсь, времен восстания йобов в прошлом миллениуме. Со словами: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а зачем?..» Странно, что они этого не понимали. Сейчас любой только что появившийся на свет клон знает, что нет ничего плодотворнее для фамы и саморепрезентации, чем воля к разрушению.

Я спустился вниз, всё еще в полном недоумении по поводу значения найденных предметов. В любом случае, мой ориентир тоже оказался фальшивым, ведь здесь не было второго набора артефактов, предназначавшихся для противников. Но надо было пошевеливаться, дорога к подлинному ориентиру будет указана после. На улице я бросил взгляд на ближайший экран с рейтингом участников «Ляпсус мемориэ». Прекрасный результат! Я немного отстаю от Алкея, но значительно перегнал Телефа.

Что же означает жетон? Конечно, метро, подземка. Чертовы катакомбы, символ суеты. В свое время тысячи йобов, гонимых неотступным желанием пожрать, устремлялись под землю, чтобы втиснуться в набитые поезда, несущие их в ту точку города, где они могли заработать на хлеб, а вечером, измождённые, обессиленные, на этих же поездах они неслись домой, чтобы съесть свой заработанный тяжёлым. И так далее. Довольно, Лотар. Теперь кассета. «Весь мир насилья мы разрушим, до основанья...». Самая разрушенная станция? Да разве можно точно подсчитать разрушения? Эта песня – символ восстания йобов. Восстания! Конечно. Площадь Восстания! Одна из станций подземки, находящаяся не так уж далеко отсюда. К половине третьего я там буду. Вперёд, Лотар, и не отвлекайся ни на что!

А-арн-чихи! А-арн!...Вот (нрзб)! Спасибо. Отделка Павильонного зала носит черты эклектики. Это имитация стилей различных стран и эпох. Фуфло? Имитация! Работа Штакениндера! Отсюда открывается прекрасный вид на Висячий сад. Нет, нельзя. Я сказал, нельзя! Четыре «фонтана слёз». Мозаика... вдвое уменьшенная копия с древнеримского оригинала. Подделка? Фуфло? Копия! Работа учеников Академии художеств! А вот и знаменитые Часы Павлин работы английского мастера Джеймса Кокса. Кокс, сё! Когда часы бьют, павлин распускает а...а...хвост, сова вращает глазами и крутит а... головой, петух а...а... кукарекает. Донт тач май баттон, плиз, сё! И вы... Ой! Ой!! Дама! Держите её! Вы разбили

стекло! Что с ней? Она больна? Вызовите охрану! Вот эта... (нрзб)! Всё, мы уходим отсюда. Донт тач зе кок, плиз, сё!

О, эти любопытные посетители музея. Так и тянет их что-нибудь разбить, попортить, испачкать. Древнейшая и самая упоительная страсть, страсть к разрушению! Ничего не поделаешь. С тех пор прошло несколько столетий, и смотрите, что мы имеем. Полуразрушенный город, город-декорация, используемая для грандиозных спектаклей небожителей Фабрики. Дворцы, парки и храмы – не более ценны, чем муляжи из папье-маше, – в самом деле, фальшивки, фуфло. Всё прах, всё тлен. Взять хотя бы эту станцию. Гора мусора, не более того. И где прикажете искать ориентир в этой куче хлама? Остается лишь надеяться, что он не будет фальшивым, ведь половина ночи уже прошла. О, фортуна, только бы он был настоящим! Даже если я не разгадаю его сразу, я буду думать, у меня останется время. А может быть, подкараулю Телефа или Алкея, когда они разгадают свои, посмотрю, куда они идут, сравню со своим ориентиром, и тогда... Пока же остается лишь копаться в мёрзлой земле, выискивая вход в адское подземелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.